

УДК 94(470.6)

UDC 94(470.6)

07.00.00 Исторические науки

Historical sciences

**СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В 1918-1919 ГГ.:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ И ФОРМЫ ИХ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ**

**THE NORTH CAUCASUS IN 1918-1919 YY:
POLITICAL REGIMES AND FORMS OF THEIR
STATE ORGANIZATION**

Семенов Александр Альбертович
д. и. н., профессор
РИНЦ SPIN-код: 1941-1628
orion156@mail.ru

Semenov Aleksandr Albertovich
Dr.Sci.Hist., professor
RSCI SPIN-code: 1941-1628
orion156@mail.ru

Армавирский механико-технологический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», Армавир, Россия

Armavir Institute of Mechanics and Technology (branch) of FSBEU HE «Kuban State Technological University», Armavir, Russia

Статья посвящена процессу государственного строительства и возникновения новых форм государственной власти в регионе Северного Кавказа в годы гражданской войны. Автор рассказывает, как изменились формы политического устройства и государственной власти в регионе после Октябрьской революции 1917г. Он анализирует процесс возникновения новых военно-политических режимов и характер государственного устройства в различных его областях. В статье также рассматривается политическая подоплека возникновения новых форм государственности и организации власти. Причем автор в равной степени исследует как формы государственной жизни, созданные большевиками и их сторонниками, так и их политическими противниками – представителями белого, антибольшевистского движения. В статье автор подчеркивает, что этот период в регионе был временем распада традиционной российской государственности и традиционных форм организации политической власти. На смену ей в крае приходили новые варианты государственного устройства, непосредственно связанные с кризисом российского общества, наступившего в 1917 г. В ряде случаев они представляли собой достаточно нестандартные формы организации государственной власти, включая образование советских республик на территории региона, возникновение атаманской власти и военных диктаторских режимов. С одной стороны, они базировались на этнокультурной специфике региональной жизни, а с другой – определялись кризисом времени периода гражданской войны

The article is devoted to process of the state development and emergence of new forms of the government in the region of the North Caucasus during the Civil War. The author tells how forms of a political system and the government in the region after October revolution of 1917 have changed. He analyzes the process of emergence of the new military-political modes and character of a state system in its various areas. In the article, the political background of appearance of new forms of statehood and power organization is also considered. The author equally investigates the forms of the state life created by Bolsheviks and their supporters, and the forms of their political opponents – representatives of the white, anti-Bolshevist movement. The author emphasizes that it was the period of disintegration of traditional Russian statehood and traditional forms of the organization of the political power in the region. New options of the state system which are directly connected with the crisis of the Russian society in 1917 y. came in the region to replace the old ones. In some cases, they represented rather non-standard forms of the organization of the government, including formation of the Soviet republics in the territory of the region, appearance of the ataman power and military dictatorships. On the one hand, they were based on ethnocultural specifics of regional life, and on the other hand they were defined by the crisis of the period of the Civil War

Ключевые слова: СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО, ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ, БОЛЬШЕВИКИ, БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ, КРИЗИС, ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Keywords: NORTH CAUCASUS, POLITICAL SYSTEM, GOVERNMENT, BOLSHEVIKS, WHITE MOVEMENT, CRISIS, CIVIL WAR

Определяющие значения в начале конфронтации в период гражданской войны в регионе Северного Кавказа, как можно заключить, имели не столько факторы внутреннего политического и общественного развития северокавказского социума (хотя и их значение нельзя не учитывать), сколько факторы внешнего, системного порядка, обладающие значительной разрушительной силой, воздействие которых на регион, являющийся составной частью российского общества, избежать не удалось, напротив, в силу своей этнической, исторической, политической и культурной специфики он занял значительное место в общероссийском процессе социальных, политических преобразований в период гражданской войны. Северный Кавказ, став одним из полюсов альтернативного политического, общественного развития, в период гражданской войны долгое время являлся базой сил оппозиционной политике большевиков и остался в истории как один из важнейших регионов гражданского противостояния, развернувшегося на территории бывшей Российской империи.

Данный процесс в Северокавказском крае обладал определенными особенностями, обусловленными характером предшествующего исторического и этнокультурного развития этой части страны. Первоначально действие кризисных тенденций затрагивало лишь часть Северного Кавказа и влияло на политическую деятельность и мировосприятие отдельных социальных групп и этнических сообществ, практически не сказываясь на общем развитии региональных межнациональных, политических процессов.

Однако динамичное нарастание кризисных факторов в самой структуре российской исторической системы в конечном итоге привело к образованию принципиально иных форм социальной и этнокультурной реальности, формированию новых идей, смыслов и ценностей: «Одни из этих идей и ценностей побеждают, другие оказываются отброшенными и

полузабытыми» [1]. Следствием этого стали грандиозные изменения в общественном сознании и самой организации региональной жизни, произошедшие в годы гражданской войны.

Исторически Северный Кавказ в силу своих специфических особенностей (важнейшими из которых являются: позднее его вхождение в орбиту русской государственности, этнокультурное своеобразие, своеобразный характер ментальной среды) обладал собственной вариативностью, специфичностью форм устройства органов государственной власти, сформировавшихся в исторические периоды, предшествующие гражданской войне.

В годы гражданской войны специфика государственного строительства приобретает свое новое выражение, особенности этого процесса проявляются более четко. Возникают новые формы государственного устройства, во многом определяемые этнокультурным характером региональных сообществ. Вместе с тем, поскольку край являлся составной частью российской исторической системы, он в полной мере испытывал в своем внутреннем развитии влияние всесторонних общественных преобразований, происходящих в центре страны, одним из аспектов которых и явилось создание новых форм организации государственного устройства. Так, например, газета «Донские известия» 26 марта 1918 г. сообщала о том, что «23 марта 1918 г. Областной Военно-революционный комитет провозгласил создание Донской Советской республики, в ряду других республик Федеративной Социалистической России, в границах, которые совпадали с прежними границами Донской области» [2]. Через некоторое время, аналогичное государственное образование было создано на территории Кубанской области. Как отмечает И. Борисенко, «9 апреля 1918 г. 2-й съезд Советов Кубанской области провозгласил создание Кубанской Социалистической республики, которая затем стала Кубано-Черноморской и Северокавказской Социалистической

республикой» [3]. «На территории проживания горских народов Кавказа была провозглашена Республика горских народов, конституция которой объявляла ее независимым в политическом отношении, и в тоже время несомненно находящейся в самой тесной культурной и экономической связи с Советской Россией» [4].

Однако постепенно особенности видоизменения политических процессов в регионе приводят к тому, что вслед за ними возникают государственные образования, формирующиеся на основе тех или иных этнокультурных сообществ различных областей края и отражающие этнокультурное разнообразие составляющих Северный Кавказ областей и территорий. На территории Северокавказского края появляется большое количество государственных образований, противостоящих общесистемному, центральному и имеющих отличную от него идеологию, а также обладающих собственным вариантом государственной идеи. Такими образованиями стали Кубанская республика, Всевеликое Войско Донское, Черноморская республика и т. д., которые пытались разнообразными способами организации государственной власти решить задачу автономного этнокультурного развития региона и составляющих его областей. И. П. Осадчий описывает данный процесс в Кубанской области Северного Кавказа следующим образом: «Собравшись вскоре после съезда, Законодательная рада провозгласила Кубань самостоятельной республикой, признающей связь с другими государственными образованиями России на федеративных началах» [5]. Законодатели определили также ее статус – «государственного образования, безусловно, не входящего в сферу Советской власти» [6]. В несколько ином варианте произошло формирование Донского государства: «14 (1) мая Краснов выступил на Круге с речью, в которой высказался за провозглашение нового государства – Всевеликого Войска Донского, с установлением в нем единоличной власти Атамана» [7]. Специфические

формы процесс государственного строительства принял в Черноморской губернии, где произошел съезд крестьян «Черноморской губернии, избравшей свое правительство, объявивший Черноморскую губернию республикой» [8]. Таким образом, возникает многовариантность, разноплановость процесса государственного строительства в регионе, обусловленная этнокультурными различиями областей края, выразившаяся в росте тенденций их автономизации и суверенизации, наблюдаются поиски ими собственных, особых путей выхода из сложившейся кризисной ситуации.

Следствием этого также стало создание специфических институтов власти, соединяющих в себе как новые – недавно возникшие институционально-правовые характеристики, так и прежние формы институциональной организации. Так, например, «в Кубанском крае и Черномории институционализировались республиканские формы организации государственной власти» [9], в отличие от них «Ставрополье управлялось Военным Губернатором, назначаемым Главнокомандованием Вооруженных сил на Юге России» [10], «на Дону установился авторитарный режим атаманской власти» и т. д. [11].

Тенденции к разноплановому, автономному государственному строительству, поиску самостоятельных путей выхода из всеобъемлющего кризиса, основанного на новых вариантах государственной идеи, различных идеологических, этнокультурных доктринах, приводит к общему состоянию раскола и противостояния, постепенно охватывающему регион. Как справедливо отмечает Решетова Н.А., на Северном Кавказе «происходил процесс «дробления» власти и смены режимов» [12]. Активное включение в противостояние различных этнокультурных групп, их стремление к доминированию, противопоставление региона в целом основной территории российского государства стало дополнительными факторами дестабилизации социума. Исходя из этого, политическая,

культурная, этническая, идеологическая конфронтация определила характер развития новых, только что созданных государственных образований, в направлении все большей изоляции от основной территории России и друг от друга.

На всем протяжении своего существования этим государственным системам так и не удалось создать объединяющие их надгосударственные структуры. Примером этого могут служить переговоры о создании единого Сената для всех государств Российского Юга: «Переговоры о Сенате, организуемом в Новочеркасске, ведутся между Донскими представителями юстиции, Кубанским ведомством юстиции Краевого правительства и отделом юстиции Особого Совещания при Армии, но... соглашение между этими тремя ведомствами не налаживается. Кубанское краевое правительство не сочувствует идее общего Сената для Дона и Кубани, чего добиваются донские делегаты, и на что соглашаются в армейском «министерстве». Заметно, что представители каждого «министерства» преследуют свои цели, мало заботясь об общем деле» [13]. Наличие многочисленного количества дублирующих друг друга официальных органов и учреждений на территории региона, в том числе многочисленных правительств в изгнании, частые правительственные кризисы в этот период привели к снижению престижа государственной власти, потере ею своего авторитета у населения края.

Однако в данный момент на Северном Кавказе продолжали действовать и факторы противоположной политической направленности, формирующие основу для возможного возвращения прежних форм государственной и общественной организации, исключаящей в новом своем варианте черты, приобретенные под влиянием общего процесса этнокультурного, политического, социального раскола: «Добровольческая армия, совершая свой крестный путь, желает опираться на все государственно-мыслящие круги населения: она не может стать орудием

какой-либо политической партии или общественной организации... Добровольческая армия чуждая социальной и классовой борьбы. В той тяжелой болезненной обстановке, в которой мы живем, когда от России остались лишь лохотуха, не время решать социальные проблемы» [14]. В данном контексте основными политическими целями Добровольческой армии объявлялись: «Уничтожение большевистской анархии, и водворение в стране правового порядка и восстановление могущественной Единой и неделимой России» [15].

Пути достижения этих целей определялись большей частью в форме установления режима диктатуры, которая «должна восстановить все разрушенные революцией ценности и привести к «полной реставрации» [16]. Политическим силам, представляющим традиционную надэтническую государственную ориентацию, в соответствии с идеей диктатуры во имя восстановления России, в период своего расцвета удается включить в сферу своего влияния и возникшие в крае новые государственные и политические образования, в результате в регионе происходит «пробуждение старого русского централизма» [17]. Постепенно происходит и возвращение к идеалам прежнего имперского варианта государственной жизни, однако без достижения какой-либо идеологической консолидации. Так, газета «Кубанская мысль» 18 мая 1919 г. отмечала: «Правительства наших Юго-восточных государственных образований нашли практические нормы, в какие укладывают свои отношения к Добровольческой армии. На Дону, с уходом генерала Краснова, авантюриста и проходимца, который, запродав свою монархическую душу немцам, вел упорную, злую интригу против Добровольческой армии, правительство Богаевского вступило в самое тесное единение с командованием Деникина. На Тереке, с восстановлением независимости Терского казачества, правительство Вдовенко вошло в тождественную связь с тем же командованием. В

единении с командованием г. Деникина состояло до сих пор и правительство Филимонова на Кубани» [18].

Проведение политики государственной консолидации включало в себя и применение методов силового давления на региональные государственные образования, имеющие автономные, этнокультурные основы. Так, в письме дипломатического представителя «Союза горцев Кавказа» командующему британскими войсками и представителю союзных держав в Баку от 24 февраля 1919 г. указывалось, что «добровольческая армия совершенно не признает ни горского правительства, ни Горской республики, предлагает горскому правительству добровольно сложить власть, и намерена сама определить организацию местного управления горских народов и назначить всех ответственных должностных лиц» [19]. С конца 1918 г. силам, выступающим за возвращение к традиционным государственным формам, удается занять преобладающие позиции в регионе и стать основой для последующего объединения всех этнокультурных вариантов государственного строительства (осуществленного с многочисленными оговорками) в единую общность, нацеленную на решение единой задачи: возвращения к традиционным идеалам государственной жизни.

Взгляды руководителей и идеологов Белого движения на характер государственного и административного устройства отражают комплекс предпринятых ими мероприятий по организации государственной власти в Ставропольской губернии – единственной территории в регионе, которая длительное время практически полностью контролировалась Главнокомандованием Вооруженных сил на Юге России и управлялась назначаемым им военным губернатором. В пределах данной губернии были полностью восстановлены: институт волостных старшин, сотенных старост, земские органы власти и т. д. Усиление традиционалистских тенденций в процессе государственного строительства в регионе

обусловило то обстоятельство, что направление поиска оптимальной государственной организации начинает смещаться в плоскость двухмерности. Альтернатива региональной государственной организации, основанной на этнокультурных различиях населяющих Северных Кавказа народов, отходит на второй план и постепенно распадается под влиянием действий основных «центров силы». В конце 1918 – 1919 гг., как можно видеть, она уступает место двум, полярно противоположным вариантам государственного и общественного строительства, двум противостоящим друг другу версиям государственной идеи, надэтнического государственного существования, представленными в регионе двумя главными противоборствующими силами – красными и белыми. Так, в Циркулярном письме ЦК РКП /б/ всем коммунистам, которое характеризует политическое положение на Юге России на 30 сентября 1919 г., отмечалось: «В борьбе за власть с капиталистами и помещиками, сила коммунизма, в тех рабочих и крестьянских массах, которые должны выбирать между диктатурой рабочего класса и диктатурой царских генералов» [20].

Данное положение отражало общую поляризацию различных общественно-политических сил в регионе Северного Кавказа и стало следствием произошедшего смещения акцентов общественного развития от многополюсности к биполярности, двухуровневому восприятию окружающей действительности, и в дальнейшем именно два этих вектора начинают определять характер последующих исторических событий, происходящих на территории края.

Литература

1. Лосский Н.О. Характер русского народа. М., 1991. С.5.
2. Газета «Донские известия». № 4. 1918. 26 марта.
3. Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. Ростов-н/Д., 1930. С.227 – 228.

4. ГАКК, Ф.Р –1542, Оп.1. Д. 111. Л.149.
5. Осадчий И.П. За власть трудового народа. Краснодар. 1977. С.145.
6. ГАКК. Ф.1542. Оп.1. Д.109. Л.4.
7. Газета «Донской край» №10. 1918. 16 мая.
8. РГАСПИ. Ф.17. Оп.66. Д.64. Л.149.
9. РГАСПИ Ф. 17. Оп.66. Д.63. Л.16,17.
10. ГАСК. Ф. Р – 40. Оп.1. Д.10. Л.179.
11. Газета «Донской край». №17. 1918. 23 мая. С.1.
12. Решетова Н.А. Интеллигенция Дона и революция (1917 – первая половина 20-х). М.,1997. С.84.
13. ГАКК.Ф. Р – 411. Оп.2. Д.252. Л.60.
14. ГАРФ. Ф.446. Оп.2. Д.4.Л.1.
15. ГАРФ. Ф.439.Оп.1. Д.109.Л.1.
16. ГАРФ. Ф.5913. Оп.1. Д.101. Л.75 – 76.
17. ГАКК. Ф. Р – 1542. Оп.1. Д.107. Л.7.
18. Газета «Кубанская мысль». 1919. 18 мая. С.2.
19. ГАРО. Ф. Р – 2599. Оп.1. Д.26. Л.372.
20. Хрестоматия по истории СССР. 1917-1925 гг. М., 1963. С. 291.

References

1. Losskii N.O. Kharakter russkogo naroda. M., 1991. S.5.
2. Gazeta «Donskie izvestiya». № 4. 1918. 26 marta.
3. Borisenko I. Sovetskie respubliki na Severnom Kavkaze v 1918 g. Rostov-n/D., 1930. S.227 – 228.
4. ГАКК, F.R –1542, Оп.1. Д. 111. Л.149.
5. Osadchii I.P. Za vlast' trudovogo naroda. Krasnodar. 1977. S.145.
6. ГАКК. F.1542. Оп.1. Д.109. Л.4.
7. Gazeta «Donskoi krai» №10. 1918. 16 maya.
8. RGASPI. F.17. Оп.66. D.64. L.149.
9. RGASPI F. 17. Оп.66. D.63. L.16,17.
10. GASK. F. R – 40. Оп.1. D.10. L.179.
11. Gazeta «Donskoi krai». №17. 1918. 23 maya. S.1.
12. Reshetova N.A. Intelligentsiya Dona i revolyutsiya (1917 – pervaya polovina 20-kh). M.,1997. S.84.
13. ГАКК.F. R – 411. Оп.2. D.252. L.60.
14. GARF. F.446. Оп.2. D.4.L.1.
15. GARF. F.439.Оп.1. D.109.L.1.
16. GARF. F.5913. Оп.1. D.101. L.75 – 76.
17. ГАКК. F. R – 1542. Оп.1. D.107. L.7.
18. Gazeta «Kubanskaya mysl'». 1919. 18 maya. S.2.
19. GARO. F. R – 2599. Оп.1. D.26. L.372.
20. Khrestomatiya po istorii SSSR. 1917-1925 gg. M., 1963. S. 291.